

ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВ

ПРОЩЁНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

РАССКАЗЫ ПСИХИАТРА

Валерий Сергеев

Прощёный понедельник. Рассказы психиатра

«Издательские решения»

Сергеев В. В.

Прощёный понедельник. Рассказы психиатра / В. В. Сергеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831554-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Вошедшие в книгу истории по праву можно назвать рассказами психиатра. Опираясь на свой тридцатилетний врачебный опыт, автор показывает читателю, какая тонкая грань отделяет наше здоровье от психического расстройства. Он предлагает нам задуматься: легко ли изменить себя и свою судьбу? Каково это — покаяться в собственных грехах и простить других?..

ISBN 978-5-44-831554-1

© Сергеев В. В.
© Издательские решения

Содержание

Прощёный понедельник 6
Пролог 6
Глава 1. Бумеранг 8
Глава 2. Хорошо сидим! 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Прощёный понедельник
Рассказы психиатра

Валерий Васильевич Сергеев

© Валерий Васильевич Сергеев, 2017

ISBN 978-5-4483-1554-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прощёный понедельник

Пролог

Посвящаю своему школьному другу Виктору, прототипу главного героя этой повести

В нашей судьбе ничто не начинается и не заканчивается внезапно. Это, как в легкоатлетической эстафете: когда старое, завершая дистанцию, притормаживает, новое начинает свой разбег, и некоторое время они бегут рядом… Данная повесть – ни быль и ни выдумка. Её персонажи чем-то похожи на меня, а кое-чем и на Вас, уважаемый читатель. Но события, которые я описал, могут случиться в любой момент, в каждом городе, со всяким человеком. Не дай, Бог, конечно…

То зимнее утро началось совершенно обычно. Дворники размашисто сметали с тротуаров искрящийся снежок, нахохлившиеся, подобно снегирям, горожане спешили, поскальзываясь, на работу, а заспанная ребятня уныло брела в школу: понедельник – день тяжёлый… Привычно преодолев сизые сумерки, Ася вошла в вестибюль поликлиники, где работала провизором в аптеке. В дверях она неожиданно столкнулась с выбегающей навстречу девушкой. Получив чувствительный тычок в грудь, от которого на секунду перехватило дыхание, Анастасия обернулась, рассчитывая услышать слова извинения, но увидела, как молодая женщина в сером пальто и голубом берете торопливо уходит прочь, утирая глаза белым вязаным шарфиком.

Уже в холле, стряхивая с пушистого воротника искры инея, Ася услышала плач младенца и увидела на подоконнике аккуратный сверток, перевязанный синей ленточкой. Первой её мыслью было: «Ребёнок может упасть!», а второй: «Куда смотрит его мать?» Однако рядом никого не было, и растерянная Анастасия не знала, как ей поступить. Конечно, следовало присмотреть за малышом до прихода мамы, но опаздывать на работу тоже не хотелось. А вокруг постепенно собирались люди…

– Посмотрите, какая прелесть! – умилялась какая-то пожилая гражданка. – У малютки разноцветные глазки: один – карий, а другой – голубенький! Это – добрая примета: счастливым будет!..

Прошло полчаса, но за ребёнком никто не приходил, и тогда Ася поняла, что малыш, очевидно, брошен. Кто-то развязал стеганое одеяльце и мальчик, а ему было месяца два, почувствовав свободу, вытянул уставшие ножки. Он даже заулыбался, но от этого девушке захотелось… плакать. Да и было из-за чего…

Какое будущее ожидало малыша? «Недоласканое» детство и строгая обстановка казённого дома, где он будет незаслуженно бит, научится врать и привыкнет к жестокости и унижениям… Не каждому по силам выдержать подобный экзамен. А мамаша, обрекшая сынишку на все эти печали, отныне свободна и может весело проводить время. Она вряд ли узнает о том, как в самые трудные минуты жизни её «кровинушка», рыдая, станет протягивать в пустоту свои ручки и звать: «Мама, мамочка!», но ответом ему станет тишина или смех обидчиков. Без неё малыш сделает свои первые шаги и скажет первое слово… А стул, рядом с кроваткой, на котором должна сидеть Она, всегда будет пуст… И в школу с огромным букетом цветов его поведет кто-то другой… Мальчик никогда не узнает, какие у мамы ласковые руки и добрые глаза, как по утрам она входит, улыбаясь, в комнату, как поправляет одеяльце и какие песни поёт перед сном… Пройдут годы, малыш подрастет, и начнет спрашивать: «Где моя мама?

Почему она меня бросила? В чём я виноват?» А когда ребенок задаёт подобные вопросы, это – страшно! Он станет терпеливо ждать, рассказывая всем, что мама скоро придёт и заберёт его домой. А когда, заболев, он будет метаться в жару, к нему в полубреду-полусне явится Её образ, чтобы жалеть, гладить по голове и шептать на ушко нежные слова. И тогда он откажется от лекарств, чтобы это видение дольше не исчезало…

Глава 1. Бумеранг

«Обычно болезнь появляется задолго до того, как мы начинаем её чувствовать».
Психиатр М. С. Пек

Масленицу у нас празднуют все – даже атеисты: знай себе, уплетают блинчики, попивают водочку и веселятся на свежем весеннем воздухе! Всерьёз поститься большинство из нас не собирается, но все знают, что последний день масленицы, вводящий верующих «во дни печальные Великого поста», называется «Прощёным воскресеньем». Это – время, когда заканчивается официальное чревоугодие, и все идут друг к другу просить прощения. Однако забыть прежние обиды, постараться понять и искренне простить ближнего, да и самому повиниться, порой становится самым трудным поступком в жизни человека.

Но, как ни крути, мудра традиция, благодаря которой у людей просыпается совесть и радость возвращается в их сердца, а тяжкий груз негативной энергии, что копился день за днём на протяжении целого года, наконец-то, падает с плеч… Мне самому порой хочется хватануть во всю грудь бодрящего мартовского воздуха, да ка-а-ак крикнуть: «Простите меня, люди добрые!» Вы только представьте, как бы стало здорово, коль однажды все – от мала до велика, простили друг друга! Возможно, и жизнь бы наладилась… Но, к сожалению, правила, придуманные «для всех», не устраивают отдельно взятых людей и – наоборот. Верно сказано: «если самую лучшую лодку увеличить в сто раз, из неё вряд ли получится хороший корабль». В этом случае начинают действовать какие-то совершенно иные законы…

С самого утра на душе Юрия, как говорят в народе, «кошки скребут». Даже не кошки, а леопарды! Видимо, оттого, что дома давно нет лада…

Из своих сорока пяти лет, более пятнадцати Юрий успешно занимался строительным бизнесом, владел небольшим рынком и десятком магазинчиков. Благодаря фитнесу и стараниям массажистов, выглядел он несколько моложе своих лет, однако, внешность имел довольно заурядную… если бы не его разноцветные глаза**:** один голубой, а другой – карий…

Необычная окраска Юркиных глаз, гетерохромия – это никакая не болезнь, просто так «пошутила» природа. Есть нечто колдовское во взгляде людей «разноглазок». У таких персон подмечен ряд особенностей: например, они без труда привлекают к себе представителей противоположного пола. Поговаривают, что ни в коем случае нельзя становиться врагом такого человека. Прежде их опасались из-за способности «сглазить» и считали, что всё плохое, адресованное обладателю разноцветных глаз, бумерангом возвращается назад к обидчику. Причём, сам «разноглазый» ничего не подозревает о том, что все его враги и завистники получают сполна за то, что ему пожелали. Какая-то неизвестная сила охраняет этих уникальных людей… Так что же таит в себе их необычный взор? Конечно, разноцветные радужки придают лицу особую неповторимость, но хотелось бы понять, какие страсти бушуют в душе их обладателя…

Неделю назад Юрий вернулся из отпуска: летал с любовницей в Эмираты. Там произошёл малоприятный инцидент: когда его пассия была застигнута в номере в объятьях аборигена, вспыльчивый Юрий разорвал и спустил в унитаз её билет на самолет, а сам срочно улетел, оставив девушку в чужой стране без копейки денег. Чтобы не слышать женских истерик, Юрий сменил сим-карту своего телефона, однако мстительная красотка дозвонилась его жене на домашний номер… И вот уже несколько дней супруги не разговаривают и сидят дома по разным углам. «Ничего, помиримся, – вздохнул Юрий, – такое уже было и не один раз…»

Вера, его жена, работала ведущим специалистом в крупном банке, была дамой весьма привлекательной и не глупой, в меру разговорчивой и к месту молчаливой. Стесняться своей жены Юрию не приходилось. В свои сорок, она выглядела на тридцать с небольшим симпатич-

ным «хвостиком» и по-прежнему радовала мужчин своей неброской, но тщательно ухоженной красотой. Конечно же, как все Девы по гороскопу, Вера была немного занудой, но одновременно и хозяйкой замечательной. Вот уже двадцать лет они с Юрием женаты и растят дочь Анечку, ученицу десятого класса. Хотя их семейный союз и был испытан временем, но нельзя сказать, что он заключался исключительно «по любви»… Здесь главную роль сыграли совершенно иные чувства, а в ещё большей мере – случайное стечение обстоятельств. Только обо всём по порядку…

Глупых девочек Юра с детства презирал и смотрел на них свысока, а умных и красивых – уважал, но… побаивался. И вот после службы в армии, он стал встречаться с девушкой ангельской внешности – Мариной: блондинкой, сводящей с ума своими пышными белокурыми локонами и огромными, выразительными очами, цвета вечно юного неба. Также к её достоинствам следовало отнести редкую способность словом и делом доставлять удовольствие своему молодому человеку. «Я тебя полюбила за твои глазки: один – всегда весёлый, а другой немного лукавый с хитринкой…» – любила повторять она, садясь к нему на колени…

И вот, когда уже был назначен день свадьбы и куплены обручальные кольца, Юрка решил устроить «мальчишник». На нём, конечно, крепко выпил, после чего явился к своей невесте в общежитие, где и заночевал, поскольку его окончательно развезло. Через пару часов он встал попить водички, и обнаружил, что Марины в комнате нет. Выглянул в окно и увидел, как она целуется во дворе с каким-то парнем…

Первое впечатление было очень похоже на удар молотом по голове… В тот же момент его охватило незнакомое прежде чувство: кровь от головы отхлынула, Юрий покрылся холодным потом и будто растворился в воздухе, перестав ощущать своё тело. Оставаясь внешне совершенно спокойным, он ощущал внутри себя какую-то зловещую воронку, засасывающую в себя все его мечты и надежды… Трудно сказать, сколько длилось это состояние: пять секунд или четверть часа, но постепенно чувство невесомости и озноба прошло, а внутренний вихрь немного ослаб. Всё тело начало покалывать иглами, Юрия бросило в жар, и он пришёл в себя. Выбежал на улицу.

– Сейчас я всё тебе объясню… – увидев полуодетого жениха, пролепетала испуганная Марина.

– Я не дурак, сам всё понял! – выкрикнул Юрий. – Прощай!

Так в одночасье он потерял веру в любовь, а на её месте поселилась в сердце обида, кровоточащая, подобно ране, пронзительными строками:

…Когда узнал про твой обман
Мир раскололся пополам:
На «до» и «после», «да» и «нет»,
На боль и радость, мрак и свет…
Ничем не склеить эти части:
Хрусталь души не бьют «на счастье»…

И вот через месяц после разрыва с Мариной, он повстречал Веру. В юности она была ни хороша, ни дурна собой: хрупкая, как орхидея, с большущими зелеными глазами и вьющимися на висках, словно скрипичные ключики, темно-русыми прядями… Бытует такая шутка: «Приглашение «попить чайку», намного чаще заканчивается любовью, чем само предложение «заняться любовью». Вот и у Юрия с Верой всё вышло примерно также. На третий день их невинных прогулок по городу неожиданно подул холодный ветер, грянул гром и принялся моросить противный дождь. Юрий остановил такси и сопроводил девушку до самого её дома. А дальше, как в приведенной шутке…

Первый день их свадьбы праздновали в ресторане, а второй (для друзей и близких) решили провести на даче родителей невесты. В разгар торжества свидетель шепнул жениху: «К тебе пришли…» Марина ждала его возле калитки сада: эффектный макияж, красивая прическа, выразительные глаза, точёный носик и прочие атрибуты сказочной принцессы…

– Мне сообщили, что ты надумал жениться… – с вызовом произнесла она. Её лебединая шейка грациозно вытянулась, плечи опустились, а голова склонилась чуть-чуть набок.

— Это кто же успел тебе доложить? – притворно удивился Юрий.

– Подружка. Она работает официанткой в том ресторане, где вы вчера веселились… А я была уверена, что мы ещё помиримся…

– Между нами всё кончено и я больше ничего к тебе не чувствую… — с показным равнодушием ответил Юрий.

Мимо них проходили соседи, искренне поздравляли и говорили, глядя на Марину: «Какая у тебя красивая супруга!»

— Извини, но мы тут стоим, как погорельцы возле поленницы дров, — не выдержал Юрий. – Меня гости ждут… — повернулся и пошёл на своё место.

Марина последовала за ним. Из-за высоких каблучков её шажок был укорочен, а ножки при этом забавно «частили», отчего появлялось впечатление «копытности»…

– Я хочу произнести тост… – неожиданно громко сказала она и налила себе полный фужер водки.

Тополиный пух витал над ней, как святой дух над кающейся грешницей… Гости смолкли и повернулись на её голос.

– Желаю молодым всего того, чего я сегодня навсегда лишилась! – выкрикнула она и осушила свой фужер.

— Ты хоть закуси! – попросил её Юрий, поморщившись.

– Спасибо, милый, — произнесла она уже на ходу, сорвав с куста и сунув в рот ягодку крыжовника.

Возле калитки её сильно качнуло. Юрий бросился к ней, поддержал и помог сесть в такси, подъехавших гостей…

Как-то осенью, года через два после женитьбы, когда Вера поехала навестить свою сестру, Юрий решил проведать бывшую подружку. Для начала пришёл к ней домой. Нетрезвый отец с порога объявил:

– Нет её, она – в Отрадном…

– В санатории что ли? На море решила отдохнуть? – стал уточнять Юрий.

– Да уж, в санатории… – ухмыльнулся папаша, – на реабилитации она, от алкоголизма лечится!

После обеда Юрий отправился в реабилитационный центр. Автобус мчался по трассе, и он любовался огромным небосводом, затянутым низкими тучами всех цветов: от свинцово-фиолетового до золотисто-розового, а в их просветах – небом всех оттенков бирюзового. Земля кругом была большей частью пустая, невозделанная. Жильё попадалось редко: всё больше кособокие дачки – домики-развалюхи, обитые почерневшими досками. Красить их, похоже, было не модно. Зато сады без листвы, но с яблоками на ветках производили фантастическое впечатление! Ближе к взморью небо совсем очистилось. Юрий и не предполагал, что облетевшие леса могут быть так красивы: лилово-дымчатые, с берёзами, выделяющимися, как рыбьи скелетики. А оранжевое солнце как будто густым маслом всё это заливало… Но красота продержалась совсем недолго: опять набежали тучи, на сей раз высокие и совершенно серые. Картинка за окном тоже стала скучной и серой. Но долго грустить не пришлось. Юрий прибыл в Отрадное… За высоким обшарпанным забором нашёл неприметный особняк. Позвонил. Двери открыла дежурная медсестра.

– Мне бы повидать Марину Лищенко, мы прежде были друзьями…

– Такой здесь нет, – сестричка строго и оценивающе посмотрела на посетителя, но, увидев, как радость Игоря сменилась растерянностью, смягчилась. – Возможно, это её девичья фамилия? Я постараюсь вам помочь. Тут у нас четыре Марины, все они пойдут сейчас по этому коридору на полдник, в вы, как увидите свою подругу, подайте мне знак…

Это было ужасное зрелище! От былой красоты Марины не осталось и следа: на голове копна немытых волос, серое одутловатое лицо, вокруг глаз темные круги. Из-под мешковатого выцветшего халата с одной оторванной пуговицей выглядывала растянутая «старушечья» кофта и продавленное на коленях трико…

– Можете погулять с ней пару часов по округе, – разрешила дежурная, – сейчас мы её всем миром приоденем…

Через полчаса Марину привели «в порядок»: сделали кое-какой макияж, нехитрый начес и «выдали» Юрию со словами:

– Только к морю не спускайтесь – там сегодня очень ветрено.

Откровенно говоря, находиться рядом с такой спутницей Юрию было стыдно, но здесь его никто не знал… И парочка, обмениваясь дежурными фразами, неспешно пошла в сторону соснового бора.

– Можно я на тебя обопрусь? – сказала Марина и взяла кавалера под руку.

Народу в лесу оказалось довольно много: бегали спортсмены, летучие мальчишки занимались в овражках головокружительным паркуром, жарили шашлыки пьяненькие компании… Но всё равно было очень красиво: высоченные старые деревья, птицы ещё поют, а ноги скользят по опавшей листве и хвое. Увидели даже дятла, который высунулся из дупла и очень громко «отругал» за что-то парочку. А в самом лесу ветром повалило так много деревьев, что некоторые тропинки сделались совершенно непроходимыми. Рядом с одним из мостиков удивительным образом рухнул вяз. Похоже, что в него ударила молния. Ствол неестественно расщепился вдоль, и его части упали на три разные стороны. Выглядело всё это как поверженный в смертельном бою Змей Горыныч. У другого мостика старая ветла, повалившаяся года три назад, чудесным образом оставалась живой и зелёной, даже лёжа на земле…

Когда проходили мимо какой-то кафешки, спутница проявила заметное беспокойство и умоляющим тоном произнесла. – Купи мне вина, пожалуйста!

– Ты в своём уме? Тебе же нельзя! – растерялся Юрий.

— Не лишай меня единственной радости… — шептала она, заглядывая ему в глаза. – Когда я выпиваю стакан спиртного, то чувствую, как в меня вливается жизнь!..

После такого откровения Юрию расхотелось продолжать прогулку. Он не имел привычки оплакивать своих врагов, поэтому по дороге домой – улыбался. Жизнь оказалась невероятно злопамятной особой и сама за него отмстила…

Не было ничего удивительного в том, что за столько лет супружества, чувства Юрия к жене поостыли… То, что прежде считалось верхом блаженства, теперь казалось ему утомительной обязанностью. Куда только всё подевалось? Иногда, ему не хотелось даже смотреть в её сторону. В душе он понимал, что временные отчуждения – это не катастрофа, а всего лишь закономерные циклы жизни, которые сменяются также как день и ночь, зима и лето. Однако в периоды таких «затмений» успевал наделать глупостей… Как и большинство мужчин, чувствуя одиночество и душевную пустоту, он пытался заполнить её вином и наличием любовниц…

…Однажды, когда он был мальчишкой лет десяти, и ожидал на остановке свой автобус, к нему подошла цыганка в ярких одеждах и затараторила:

– Касатик, дай я тебе погадаю. Позолоти ручку, всю правду скажу…

Юрий оробел, потому что никогда прежде с такой бесцеремонностью не сталкивался.

– У тебя есть денежки? – наседала плутовка.

– Нет…

– А что есть? Я не могу гадать просто так, мне обязательно нужно дать что-нибудь взамен.

– У меня есть конфета… – выдавил из себя мальчик.

Конфета была отобрана и гадалка произнесла:

– Ты станешь лётчиком. И у тебя будет очень много женщин… Ну, очень много!

Юрию даже показалось, что цыганка с каким-то удивлением или восхищением посмотрела на него. Тут подошёл автобус, Юра прошмыгнул в салон, забрался на заднее сидение и стал думать о Светке за соседней партой, потом о Танюше – наискосок… Но дальше его фантазия не пошла, потому что остальные девчонки в классе были не такими симпатичными…

Да, он изменял супруге и обманывал женщин! Срывал их, словно красивые цветы в оранжерее и наслаждался ароматом, так ни разу не полюбив по-настоящему ни одну из своих избранниц. Срабатывал ли у него инстинкт охотника или он подсознательно мстил за первое, оскорбленное чувство? Только фонтанирующая страсть «на стороне», довольно скоро сменялась у Юрия эмоциональным «выгоранием», усталостью и разочарованием. Но обман – есть обман, и чем чаще к нему прибегаешь, тем труднее удержаться от нового! Оттянуть разоблачение возможно лишь с помощью более изысканного вранья. Вот так он и погибал, погрязнув в этом гнусном пороке, как в гнилом болоте… Но теперь – всё кончено: любил полгода, а разлюбил… в четверг. Чёрт с этой любовницей! Разводиться с Верой в Юркины планы не входило, и сейчас он ехал к жене мириться.

Для этого была веская причина… Накануне ему приснился необычный сон. Если не сказать – «страшный»! К слову, мы очень мало знаем о наших сновидениях… Нам, конечно, известно о медленной и быстрой фазах сна, его стадиях и циклах, но не более того… А ведь издавна считается, что сновидения способны предупредить человека о грядущей беде, донести до него некое зашифрованное сообщение или откровение. Так Д. И. Менделеев, задремав, увидел свою легендарную Периодическую таблицу, творец новой физики Нильс Бор узнал, как устроен атом, а Пол Маккартни до сих пор уверяет, что музыка к песне «Битлз» «Yesterday» – вовсе не его заслуга, поскольку явилась ему во сне. Но кто отправляет нам вещие сны? Из какой реальности приходят все эти «послания»? Почему некоторым людям сны вспоминаются тусклыми и бесцветными, а другим, напротив – яркими и красочными?..

Вчера Юра лёг спать около полуночи и уснул почти мгновенно. Обычно по утрам он не мог вспомнить своих сновидений, но это… отчетливо и в малейших деталях врезалось в его память… О нём он впоследствии рассказывал…

– Вы кто? – окликнул я невысокого человека, одетого в просторный алый балахон с капюшоном, закрывающим половину лица.

– Я – «Проводник», – спокойно, но твердо ответил незнакомец. – Мне велено показать тебе место, которое человек по собственной воле увидеть не может, а только если я отведу его туда. Успокойся: это не займет много времени, и мы вскоре вернемся назад. Мне лишь необходимо твое согласие, это – обязательное условие.

Я, недолго думая, утвердительно кивнул. Проводник взял меня за руку, и мгновенно всё окружающее пространство пришло в движение. Мы оказались перед огромным круглым входом, то ли в тёмную пещеру, то ли в какую-то огромную трубу.

– Ничего не бойся, – сказал он, и нас начало медленно затягивать внутрь…

Внезапно в глазах у меня всё померкло и стало чёрным, затем тёмно-вишнёвым и мигающим. Я почувствовал свою полную беспомощность: меня трясло и вращало, выгибало и скручивало, а в мозгу творилось невообразимое… Сказать, что я испугался, значит, не сказать

ничего! Было ощущение, что страх овладел каждой клеточкой моего тела, каждой молекулой и атомом. Да-да, возникло ощущение, что я распался на миллиарды частиц, которые объяты нестерпимым ужасом, и я уже не личность, даже не проблеск сознания, я – облако дикого первобытного страха. В отчаянии я мысленно воскликнул:

– Мне не выдержать, я рассыпаюсь!

– Потерпи ещё немного… – не услышал, а скорее почувствовал я ответ своего спутника.

И тут же меня «отпустило»… Я вновь ощутил себя в своём теле, твёрдо стоящим на ногах.

– Следуй за мной, – сказал Проводник, – я покажу тебе кое-что важное.

Мы сделали пару шагов и переместились в какое-то унылое, дикое место. Здесь не было ни ветра, ни солнца, тут предметы не отбрасывали тени, а путники не оставляли на песке следов. Вся эта печально-серая каменистая равнина была до горизонта утыкана сухими деревьями-палками. К их уродливым суковатым стволам были привязаны измождённые полуголые люди. Много-много, насколько хватало глаз… Поражала и звенящая тишина: ни стона, ни шороха, ни единого звука…

И тут меня настигли… чувства, испытываемые этими несчастными людьми: бесконечное одиночество, тоска и отчаяние! Их трудно описать или найти им подходящее сравнение, но это было… сродни истинному вакууму – пустоте пустот! Я понял, что мой недавний страх в трубе был бы более желанным, чем такая зловещая пустота. Там, по крайней мере, меня не оставляла Надежда. Здесь же Надежды не было!

– Ты всё правильно понял, Юра… – промолвил Проводник. – А теперь хочешь узнать: кто они такие? – и сказал, не дожидаясь моего ответа. – Это – прелюбодеи, Юра…

И вновь – труба… Но в этот раз – ни тени страха, просто волнующее ощущение полета.

– Прощай, Юра, – тихо проговорил Проводник и растворился в воздухе.

На этом я и проснулся. Долго приходил в себя, поскольку всё тело ныло от перенесённых во время телепортации перегрузок. Наконец, я встал и ясно понял, буквально до мурашек на коже, что за всё содеянное придётся когда-то отвечать. И, не дай Бог, оказаться ещё раз в том гиблом месте! Я отчетливо осознал, что пришёл конец всем моим любовным приключениям, и что в ближайшие дни необходимо сделать жене предложение о венчании…

Даже тогда, когда нам начинает казаться, что брак себя полностью исчерпал, обычно остается ещё тысяча и одна причина оставаться вместе. Для Юрия главным аргументом являлась дочка Анечка. Малюткой она была замечательной пышечкой. Он называл её – «моя ягодка» и, как умел, по-мужски баловал, стараясь поддержать у доченьки веру в добро и чудо, воспитать её честной, чуткой и искренней… Она расцветала от его неуклюжей заботы и отвечала взаимностью: называла отца «мой помогатель» и «выручатель». А когда была совсем маленькой, то рисовала для него забавные картинки, заучивала и декламировала стишки, а увлекшись рукоделием – дарила самодельные игрушки, шила футляры для мобильников и вязала спицами тёплые шарфики. Во время игр или чтения книжки она могла молча подойти к отцу, забраться к нему на колени и крепко-крепко обнять… На вопрос взволнованного родителя: не случилось ли с ней какой-нибудь неприятности, она отвечала: «Нет, папочка, я просто хотела, чтобы ты улыбнулся!»

Однажды, когда Анечке было всего четыре годика, в поезде, произошёл довольно забавный случай. Зная, что дочка во сне сильно ворочается, Юрий всю ночь просидел на краешке её нижней полки, заботливо поправляя одеяло и отодвигая малышку от опасного края, грозящего падением. Наконец, бледным утром, совершенно измучившись от такого утомительного бдения, но, оставаясь по-прежнему «всевидящим и всеслышащим» папашей, Юрий прикрыл свои отяжелевшие родительские веки, как ему показалось, всего лишь на какое-то мгновение… Разбудил его грозный голос проводницы:

– Что за безобразие! Пассажиры, чей это ребенок под столом?

«Видимо, для меня она важнее пресловутой „мужской свободы“ и всех остальных женщин вместе взятых…» – рассуждал Юрий.

Было ещё одно живое существо, которым дорожил Юрий: это – кот Васька… Однажды, когда Анечке было лет шесть, прекрасным летним утром пошли они к пруду, чтобы выпустить на волю «к маме» подросшего тритончика, жившего в их аквариуме. Оба находились в прекрасном расположении духа:

– У меня сегодня фломастерное настроение! – восклицала дочка.

Ночью прошёл теплый дождь, после которого каждый листочек, цветок и травинка сверкали и переливались на солнце, словно россыпь самоцветов. Воздух был наполнен медовыми ароматами. Вот «путешественники» заметили на небе многоцветное коромысло, и дочь неожиданно спросила:

— А можно по радуге ножками пройти?

— Нет, она очень скользкая, — с улыбкой ответил Юрий.

— А я осторожно — босичком! – подыграла ему дочурка.

Они свернули с асфальта на узкую грунтовую дорожку.

— О, какие лужи! Хоть рыбок запускай! – искренне радовалась Аня.

Наконец, пришли и присели на траву у самой воды. Неожиданно послышался слабый писк. Юрию подумалось, что он раздался из высокой осоки, но дочь показала пальчиком на какой-то сверток, плавающий в окружении пластиковых бутылок и прочего мусора. Жалобный писк повторился… Теперь и Юрий не сомневался: печальные звуки издавал находящийся недалеко от берега полиэтиленовый пакет. Вернее – его содержимое. Очевидно, кто-то из жителей района, таким варварским способом пытался избавиться от новорожденных котят…

Отец поспешно «выплеснул» в воду своего тритона, схватил дочь за руку и потащил её прочь от пруда. А та недоумевала: «Папа, что это было?» Не желая её расстраивать, Юрий бормотал что-то о «необычных» птичьих криках, однако, прошагав метров сто, вдруг подумал: «Что же я делаю!? Станет ли дочь меня уважать, после всего случившегося? Я всегда учил её быть доброй и справедливой, а сам не помог беззащитным животным в их беде…» Ему стало не по себе. Выломав из зарослей орешника длинную палку и приказав дочке никуда не уходить, Юрий бросился обратно. Орудие оказалось несколько коротковато и, стараясь подцепить им пакет, он не раз оступился, проваливаясь почти по колено в илистое дно водоема. Но вот сверток на берегу. Разорвав его, отец нашёл внутри четыре мокреньких комочка. Это — маленькие, ещё слепые, котята. Судя по всему, один из них был жив: малыш дрожал от холода и чихал. Юрий обтер его полой рубашки и уложил к себе запазуху греться… Так в их семье появился кот Васька. Всеобщий любимец давно вырос, и теперь все называли его уважительно — Василием Васильевичем. Он оказался редким умницей, хитрецом и подлизой, а ещё — ужасным чистюлей: постоянно лизал свою лапу и тщательно ею умывался. Но, несмотря на это, всем был известен самый главный его секрет: больше всего на свете котик боялся воды… И самое интересное: глаза у него, также как у Юрия, оказались разного цвета!

А три года назад знакомые подарили дочери Юрия волнистого попугайчика, которого назвали Борькой… Птичка быстро освоилась в квартире и даже подружилась с котом. Неугомонный и вездесущий Борис оказался очень талантливым и вскоре научился передразнивать хозяев их же голосами. Особенно часто он повторял фразу: «Берегите попугая – это птица дорогая!», а Анечку донимал требованием: «Доча, учи уроки!»

В жизни каждого случаются порой поступки, о которых потом сожалеешь, только изменить уже ничего не можешь. Иногда человек ни в чём не виновен, но на долгие годы, а иногда на всю жизнь остается горькое чувство, которое нет-нет да и всплывёт в его памяти.

Часто и объяснить толком не можешь, почему вдруг сделал то, что противно твоей душе. Бывает, об этом никто и не знает, но стыд жжёт и жжёт…

Приемный отец Юры после своего выхода на пенсию перевёз семью из военного городка в Кантоград. Новая Юркина школа стояла теперь напротив детского дома, окружённого железной изгородью. Каждый день ученики видели гуляющих по небольшому дворику малышей, которых между собой называли не иначе как «инкубаторскими» – за их одинаковые пальтишки и шапочки: синие у мальчиков и красные у девочек. И вообще все они были «как под копирку» — какие-то неухоженные и диковатые. Частенько, прильнув к прутьям ограды, точно обезьянки в клетке, они выпрашивали у школьников конфеты, с тоской поглядывая на прохожих, ведущих за ручку своих любимых чад мимо их высокого забора…

Однажды на большой перемене Юрка с друзьями вышел из школы, чтобы размяться после буфета. Неотвратимо приближались летние каникулы, и настроение от этого делалось приподнятым, почти праздничным. Приветливо светило солнце, майский воздух был свеж и чист… «Инкубаторские» на своём дворике что-то лепили из сырого песка. Окликнув их, старшеклассники, смеясь, стали бросать куски хлеба в лужу возле ворот. Вряд ли детишки были настолько голодны, но они, озираясь и боясь окрика воспитателя, всё же выбегали через незапертую калитку и хватали мокрый хлеб прямо из грязи. На самых проворных бросались остальные, вырывая и заталкивая в рот «добычу». Хохоча и наслаждаясь ощущением своего превосходства, одноклассники швыряли им хлеб, цену которому ещё сами не знали, снова и снова… Но тут Юрию внезапно стало жутко стыдно. С чувством равного отвращения к находящимся по обе стороны решётки, он убежал в класс. Его пошатывало и поташнивало… Юноша так разволновался, что в какой-то момент его мозг озарила яркая вспышка и началась демонстрация необыкновенного «кино» о собственном раннем детстве…

Сначала Юра увидел себя впервые вышедшим из дома во двор… Он как бы со стороны наблюдал и одновременно переживал всё, возникающее у малыша перед глазами: под ногами, совсем недалеко от лица – настоящие травяные джунгли, отчётливо видны песчинки, какие-то букашки, муравьи. Всё это казалось невероятно интересным и немного страшным… Потом последовали другие «кадры», в которых Юрий видел себя постепенно взрослеющим и попадающими в разные жизненные ситуации, которые он совершенно позабыл или не придавал им прежде никакого значения. На самом же деле именно они, как оказалось, были наиболее важными… Как восхитительно и весело: хочется размахивать руками, хлопать в ладоши, прыгать и корчить рожицы! Вот весной он выжигает увеличительным стеклом узоры на своём пенале, пускает по ручью кораблики из сосновой коры, делает свистульки из молодых ветвей вербы. Летнее утро… Родители повесили гамак, где он, покачиваясь, читает книжку Майн Рида, а потом бежит с ребятами на речку… Дружки зовут его играть в «чижа» и «казаков-разбойников»… Он лазает по деревьям… Строит шалаш… Хвастает перед приятелем своей коллекцией марок и меняется значками по принципу: «рыбка плывет – назад не отдаёт!»… Пишет с папой доклад о первых советских космонавтах, вырезая их портреты из журнала «Наука и жизнь». Вот мама из сахара варит ему сладких «петушков» и делает «колбаски» из растопленных ирисок, смешанных с кукурузными палочками… А поздним вечером он сидит с отцом у рыбацкого костра: печёт картошку и жарит, нанизав на палочку, «шашлык» из ломтиков сала, хлеба и лука…

Много чего значимого произошло с той поры в жизни Юрия, но и по прошествии тридцати лет, свежа в его памяти картина с детишками, дерущимися за хлеб из грязной лужи… Все когда-то были подростками и совершали нелепые, глупые, а иногда злые проказы. Дети имеют право на ошибки, в их возрасте всё ещё поправимо. А взрослые? Разобраться в себе самом всегда важнее, чем исследовать глубины космоса…

Вечерний Кантоград. Выходной день. На центральных улицах плотный поток машин. Юрий за рулем своей «Тойоты». Из динамиков шелестит новый хит Ивана Голого:

…Жизнь полна азарта, шулерства и риска.
В ней всегда Фортуна – главная актриса.
Даму пик, как шельма, за манжет упрячет
«Подходи, трефовый, испытай Удачу!»

Упругий мартовский ветерок освежает непокрытые головы горожан. Вторую неделю солнечно и тепло. От снега не осталось и помина, даже в тенистых местах. Лужи тоже давно просохли, отчего в городе довольно пыльно.

…Так я оказался на раздаче счастья:
Мне крупье швыряет туз бубновой масти…
Это – шанс? А, может, сыр из мышеловки?
Что там замышляет старая плутовка?
Знать, сейчас припомнит давние обиды
И злорадно крикнет: «Ваша карта бита!»
Только я не мыслю жизни без азарта
И ва-банк играю на крапленых картах…

Между уныло-серыми коробками зданий вдруг, радостно вспыхнув, засиял золотом куполов храм Христа Спасителя, и приветливо распахнула свои объятья соборная площадь. Юрий увидел, что возле отворенных врат храма толпятся нарядные люди.

– Что за праздник сегодня? Ах, да – Прощёное Воскресенье…

Юрий не считал себя верующим, однако, в церковь всё же иногда заходил: во-первых, модно, во-вторых, «а вдруг попы не врут?..»

– Пожалуй, это – самый лицемерный праздник из всех существующих, – рассуждал он, перестраиваясь в правый ряд. – Вот представьте: живет какой-нибудь подлец и ежедневно делает гадости: кого-то оскорбляет, унижает, обманывает. И всё это со спокойной душой. А зачем ему волноваться, о чём переживать? Придет Прощёное Воскресенье – его и простят. Вздохнет он с облегчением, да на следующий же день тому, кто его накануне простил, опять напакостит. И вновь целый год будет ожидать следующего повода извиниться. А за это время многим можно успеть плюнуть в душу… Шанс для негодяев легко списать все свои грешки – вот что это такое! А порядочным людям, имеющим честь и совесть, такой праздник, как дождь во время наводнения. Они если и виноваты, то извиняются сразу же…

Равнодушно посматривая на величественный храм, Юрий недоумевал:

– Зачем людям нужна Вера? Неудачники ходят в церковь за утешением, слабаки – за ободрением, старики и больные – за надеждой. Но что она может дать лично мне? – всё больше закипал он от крамольных мыслей. – Чего стоит мудрость, не приносящая практической пользы? Мы зарабатываем деньги, потому что без них нет материальных благ и удовольствий, заводим знакомства, чтобы стать сильнее и успешнее, женимся, когда надоедает одиночество. Нам же две тысячи лет талдычат о «страхе Божьем», ограничениях и каких-то обязанностях. На самом же деле от жизни необходимо получить максимум удовольствия… А есть ли хоть одна Божья заповедь, которую я не нарушил? – переключая скорость, подумал он и стал вслух перечислять: – «Не убей», «Не укради», «Не прелюбодействуй», «Почитай отца и мать»… Дальше не помню. Всё это – не для меня…

Проспект изогнул свою лебединую шею вправо. На долю секунды Юрий перевел взгляд на зеркало заднего вида. Как вдруг…

– Куда ты… прёшь!.. – непроизвольно вырвалось у него.

Завизжали тормоза. Сила инерции бросила тело вперед. Машина замерла на «зебре», прямо перед старушкой в сереньком пальтишке, которая пыталась перейти улицу на красный свет. Юрий не успел ни испугаться, ни порадоваться своей отличной реакции, как ощутил сильный удар в бампер… Его толкнуло вперед, голова откинулась на подголовник, а старушка пропала из поля зрения… Сознание словно переключилось в иной скоростной режим, а все события как бы застыли на месте…

…Приёмный отец, посвятивший всю свою жизнь авиации, выбрал для меня Ставропольское училище лётчиков и объяснил: «там есть несколько факультетов, но я хочу, чтобы ты стал „наземным" штурманом». Я, конечно же, поступил на «лётчика»… Правда, только со второй попытки. А причиной тому – излишняя самоуверенность. Уже в девятом классе папа познакомил меня с лейтенантами — выпускниками этого училища, служившими на Балтике. Они-то и «напели мне песен» о том, чтобы я с учебой особо не «напрягался», лишь бы по здоровью прошёл, поскольку берут даже с двойками. Так я в первый раз и «пролетел». Зато уверовал в мистику…

Предыстория этого случая была такова… Приёмная матушка умерла от неизлечимой болезни, когда мне было всего пятнадцать лет, а в конце выпускного класса меня постигло очередное горе: неожиданно и довольно глупо погиб отец. Он поехал с друзьями на рыбалку и утонул в заливе. В тот воскресный день ничто не предвещало беды. А в час, когда далеко от дома случилось несчастье, мне внезапно стало душно, и я вышел подышать на балкон. Вдруг откуда-то сверху слетел белоснежный голубь и уселся на моё плечо…

Вам когда-нибудь садился на плечо голубь? Мне тоже — ни разу. Ни «до», ни «после»… Удивлённый я взял птицу в руки, занёс в нашу квартиру и насыпал на кухонный стол крошек. Голубок не вырывался и не улетал. Он склевал угощение и снова сел ко мне на плечо. Так мы и вышли обратно на балкон. Птица вспорхнула, сделала небольшой круг над нашим домом и улетела навсегда. А вечером мне сообщили о смерти отца. Я уверен, что тот голубь был его душой, решившей со мной попрощаться…

Вспомнил я всё это потому, что перед самым отъездом на вступительные экзамены в Ставрополь, мне приснился покойный отец – злющий-презлющий. Он мне кричал: «Учи физику!..» Я бы, наверное, забыл тот сон, если бы потом не получил двойку именно по физике, из-за которой меня и отправили обратно домой. Конечно, во всех своих бедах я тогда обвинил молодых лейтенантов. А отец больше никогда не снился…

Пришлось мне окончить подготовительные курсы и ехать поступать на следующий год. Во второй раз я всё сдал на «хорошо» и «отлично», но вот что обидно: в том году здоровяков брали даже с двойками… Так я оказался среди своих единомышленников, и первое время был этим очень доволен и страшно горд. Бытовые неудобства и тяготы армейской жизни меня совершенно не пугали. Мне нравилось всё: и чай – «белые ночи», и перловка – «дробь-шестнадцать», и мясо «белого медведя», точнее – то сало, которое мы получали в лётной столовой вместо порционной свинины… Не обижался я и на подколки ребят из других училищ: «В самолёте всего две деревянные части… в их числе – голова пилота…» Ведь прекрасно помню, как многие из нас не могли пройти простейшие тесты. Например, преподаватель задаёт вопрос: «два в квадрате?» Отвечаем: «четыре». «Четыре в квадрате?» – «шестнадцать», а «угол в квадрате?..» – молчим… Самое интересное, что когда говорили: «Подсчитано, что лётчик в критической ситуации принимает до десяти решений в одну секунду…» – то у нас это действительно получалось. Видимо, преобладали какие-то качества, более важные для лётного дела…

Но самое главное – реальная лётная подготовка началась непосредственно с первого курса: самостоятельные вылеты, пилотаж… Романтика! Там для меня открылась совер-

шенно иная реальность, и посчастливилось испытать абсолютно новые, необыкновенные ощущения! Вот тогда-то я и понял, что нет ничего выше, чище и прекраснее Неба! Как же хотелось остаться в нём навсегда! Раствориться в этой бесконечной синеве, тишине и радости!

Однако мне была уготовлена совершенно иная судьба… Человека всегда что-то ведёт по жизни. Незадолго до окончания первого курса я познакомился с пареньком, который всё свободное время проводил за чтением каких-то книжек. Как-то «от нечего делать» я его спросил:

– Что ты постоянно читаешь?

– Стихи, – ответил он мне

Я чуть не упал, поскольку был уверен, что «стишками» увлекаются только девчонки! Однако любопытство и недоверие пересилили.

– Покажи, – попросил я.

Как сейчас помню – это был томик Эдуарда Асадова. И товарищ охотно мне объяснил, что он – слепой поэт, фронтовик.

– Как незрячий человек может писать стихи? – ещё больше удивился я.

– А ты возьми и почитай… – предложил мне сокурсник.

И всё… Я – пропал! Как будто запруду прорвало в моей душе! В гарнизонной библиотеке я ознакомился с творчеством всех поэтов, которые там только были. Читал днём и ночью, как будто навёрстывал упущенное время. В окружении людей мне теперь частенько становилось скучно, а вот с книжкой – никогда! На сослуживцев я смотрел как бы со стороны и видел то, что не замечали другие. Это не замедлило сказаться на моем характере и «моральном» облике. Вскоре я стал очень задумчивым курсантом: отвечал невпопад, задавал командованию «неудобные» вопросы… А таких в армии не любят! Меня неоднократно, но тщетно пытался перевоспитывать замполит, «строить» – начальник училища, запугивать – особист… Больше всего начальников бесила фраза: «Извините, но я думаю, что вы неправы…» «Найди в Уставе слово «думать»! – орали они.

Кончилось всё тем, что в начале второго курса я решил «поставить крест» на своей офицерской карьере. Конечно, если бы отец был жив, то он меня как следует «взлохматил» и направил на «путь истинный», но так сложилось, что посоветоваться было уже не с кем. Свой выбор я сделал самостоятельно, чем резко поменял свою просчитанную на четверть века вперед судьбу… Согласно закону «О всеобщей воинской обязанности»» меня отправили дослуживать положенный срок в строевую часть. Там изменились не только окружение и среда моего обитания, но и что-то серьезно «сломалось» в самой душе. Так я начал «катиться по наклонной плоскости»…

…Треснувшее яблоко с розовым бочком, удивительно похожее на алое закатное солнце**,** катилось по дорожному покрытию… На проезжей части лежала женщина лет семидесяти. Очки в роговой оправе с одной разбитой линзой валялись в стороне. Из-под белого платочка выбивались серебристые пряди. Подол старомодного платья некрасиво задрался и демонстрировал порванный и испачканный кровью чулок. Первое, что Юрий с удивлением отметил: никакой жалости к несчастной старушке он не испытывает: ни сочувствия, ни сострадания, ни милосердия! Ничего христианского, да и просто – человеческого! Никаких других чувств, кроме досады и страха. Страха наказания… Даже в животе сделалось противно и щекотно, как во время воздушной «ямы» на борту самолёта. Он и не заметил, как виновник происшествия, врезавшийся в него ссади, скрылся…

Выскочив из автомобиля и бормоча нецензурные междометия, Юрий с опаской склонился над пожилой женщиной.

– Простите… – тихо шептала она бледными, как мел, губами и дрожащей рукой старалась нащупать свою плетёную сумочку.

– Что-что?.. – не понял Юрий.

– Я вас прощаю, и вы меня простите… – из полуприкрытых глаз несчастной катились слёзы.

– Бредит что ли? – обратился Юрий к притормозившей рядом бригаде «скорой помощи».

– …Черепно-мозговая травма, множественные ушибы и перелом шейки бедра, – после беглого осмотра констатировал врач и, доставая из чехла транспортные шины, добавил, – учитывая возраст пострадавшей, могу предположить, что с кровати она уже вряд ли поднимется…

– Мамаша, у вас родные есть? – задал он дежурный вопрос пациентке.

– Одинокая я, сыночек. Вот в церковь спешила…

– Отбегалась, — резюмировал доктор. – Самостоятельно кости вряд ли уже срастутся, а хороший эндопротез стоит очень дорого. Только всё это – как на копеечный конверт клеить стодолларовую марку. Безнадёга… Нет, не встанет… – вздохнул врач, и отряхнул колени. – Такая травма требует длительного и тщательного ухода. Уж лучше бы сразу… – и приступил к иммобилизации.

– Спешила она… – процедил сквозь зубы молоденький инспектор ДПС, прикрывая полой куртки, слабенький огонёк зажигалки, – правду говорят: счастливая старость – это обычный маразм. Поэтому наши бабульки скачут по проезжей части, как тушканчики по прерии, – и выпустил ртом тонкую струйку дыма. – Что ж, пожила своё, пора и честь знать… Вы послушайте, что на днях другая пенсионерка учудила… – и сержант попытался снять напряжение грубоватой шуткой.

На всякий случай, а возможно, просто от испуга, Юрий сунул «продавцу полосатых палочек» сотню баксов. После чего дальнейшая судьба пострадавшей никого уже не волновала. Подписав протокол, Юрий был отпущен домой. Однако в глубине его души острой занозой засела тревога. Как ни пытался он отвлечься, память упрямо возвращала его на место происшествия к распластанной на асфальте пожилой женщине…

…Долгое время моя душа была серьёзно больна, и лишь последние год-два она начала понемногу оттаивать, выздоравливать и реагировать на доброту. А прежде мне было очень интересно размышлять: «Что же это за чудо такое — стихи? Отчего они имеют столь огромную власть над человеком? Почему у любителей поэзии появляется особое мироощущение и обостряются все чувства? Не случайно же наивысшая форма человеческих отношений — это общение посредством стиха?» И вот тогда возникла ассоциация… Допустим, прихожу я в букинистический магазин, где разложены томики стихов. Но они не похожи на обычные книги, а выглядят как маленькие серебряные колокольчики, которые сами по себе чуть слышно позванивают. А я тоже словно небольшой бубенчик, тихо и нежно звенящий. И вот подхожу к полке, прислушиваюсь (в смысле – открыл том и читаю наугад), как вдруг… начинает звучать прекрасная, волнующая своими вздрагивающими звуками, мелодия! Стихи ведут основную партию, а мой «голосок» тоже участвует в этом оркестре. И как же мне в эти мгновения хорошо! Душа поёт и радуется! И хочется жить в этой гармонии вечно! Вот бы иметь такой колокольчик, и чтобы он был, как кровь первой группы, которая подходит каждому… Но, увы, мой «колоколец» уже не раз и ржавел, и фальшивил, и давал трещины. Порой даже удивительно, что он ещё на что-то реагирует… Но это — хороший признак: как если бы больной, находящийся в глубокой коме, неожиданно моргнул глазами — значит, пошёл на поправку…

Со временем я научился отличать на слух «мужскую» поэзию от «женской», настоящие стихи от пустого мудрствования, и стал способен многое рассказать об авторе, не заглядывая в его биографию. Когда стихи удачные, возникает гармония двух светлых душ — поэта

и читателя. Я назвал такое волшебное созвучие – «резонансом тонких вибраций». Но чтобы произошло такое «обогащение» и «аккумулирование» высокой энергии, открывший книгу должен обладать не менее чистой душой, чем сам поэт.

Всякий талант даётся человеку для того, чтобы трудилась его душа! Настоящим писателем быть почётно, но трудно. Нелегко, потому что во время создания книги, он должен находиться в состоянии постоянного душевного накала, изматывая себя и оголяя нервы, что бы, не дай Бог, не накормить читателя какой-нибудь «серой тянучкой»… Правило торгашей: «Третий сорт — ещё не брак», тут не подходит. Стихи всегда и везде должны быть только самого высокого качества!

Я тоже пробовал рифмовать строки, но поскольку у меня не было других учителей, кроме книжек, то не всё получалось так, как хотелось. Не могу вспоминать без улыбки, как посылал свои «творения» в разные газеты и журналы… Моя первая работа, посвященная маме, не сохранилась, а в памяти осталась лишь критика редактора: «в Ваших стихах нет открытия или удивления…», «не стоит писать о том, что всем и так давно известно…» Это и стало для меня ударом, после которого я «перегорел»… К сожалению, в «колесе» последующих событий мне пришлось забросить поэзию… Потому что для вдумчивого чтения, помимо уймы времени нужен определённый душевный настрой, своеобразный «зуд» или «голод». Однако любовь к поэзии осталась навсегда. Она даже передалась по наследству моей дочурке. Видимо, не случайно после одного из её поэтических опытов, кто-то из сверстников кривенько начертал на классной доске: «АНЯ + ПУШКИН = СТИХИ!»

Юрий запомнил стихотворение, написанное ею лет в двенадцать:

Мы это слово знаем с детства.
В заоблачное королевство
Без мамы нет дорог…
Ты по пути сорви цветок,
Вручи, скажи простые строки:
«Я не забуду те дороги,
Что ты показывала мне.
Спасибо, что простила все
Мои ужасные проказы
И неказистые рассказы
Ты вытерпела… Как?
Мне не понять того никак!»
Отвечу на вопрос тот главный,
Когда сама я стану мамой…

Моя жизнь всегда была похожа на скачки… А на ипподроме очень важно угадать фаворита… Так же и в жизни… И вот уже много лет я бреду по ней, не беря в руки серьезных книг, а это — печальный симптом «чёрствого сердца»… Тоскливо как-то сделалось на душе: суеты и маеты много, но нет в ней главного – цели и смысла, бодрости и радости. Всё движется самотёком, как будто даже и без меня. Дни кажутся какими-то липкими и вязкими каплями… Вот и наступление весны совсем не радует: потому что знаю: сначала всё расцветёт, а затем — непременно увянет…

Поначалу, забросив поэзию, я чувствовал себя не в своей «тарелке». Но кто-то же должен и унитазы починять, пока другие занимаются творчеством… Постепенно мне стало «всё равно», я перестал ориентироваться в немыслимой пестроте обложек и удивительном однообразии названий. «К чему мне это? — думал я, — Ведь жизнь ежечасно преподно-

сит такие сюжеты, которые просто невозможно выдумать, сидя за письменным столом»… И вот вам пример.

Однажды в Ставрополе нас отправили в совхоз помогать убирать урожай. Зашли мы как-то в один дом попить водицы… Хозяйка назвалась тётей Дусей, накрыла на стол, угостила нас очень вкусными пирогами и молодым вином. Между делом рассказала историю своей жизни. А необычное в ней было то, что тётя Дуся имела двух мужей и оба жили с ней в одном доме, правда, на разных этажах… Так получилось, что перед войной она вышла замуж, а в конце лета уже получила похоронку. После Победы вышла замуж второй раз, а тут и первый муж вернулся… Оказывается, сначала он был в плену у немцев, затем сидел в нашем лагере… А у неё уже и дети от второго супруга… Потом, правда, и от первого родила. «А куда я его прогоню?, — говорила нам добрая женщина, — жалко ведь, да и сам он не захотел уходить… Во всем виновата проклятая война! Мы простили друг друга, с тех пор и живём в любви все вместе, большой семьей в одном доме. И внуков у нас целая орава…» Попробуйте рассудить теперь этих людей…

А я вынужден признать, что, несмотря на определенные зачатки добра, негативная составляющая моей противоречивой и кипучей натуры всегда преобладала… И ничего я не мог с этим поделать: правильность мне была отвратительна, а «кривизна» — притягательна. Видимо, оттого, что криминал всегда предполагает возможность «пощекотать» нервы. И не стоит пенять на чье-то дурное влияние – ведь я сам выбирал себе друзей и сам совершал неблаговидные поступки. Однако Господь меня берег, и несколько раз я чудом избежал тюрьмы: заводились уголовные дела, меня допрашивали и «прессовали» следователи, но както всё обходилось…

Через столько лет, уже самому верится с трудом, что когда мы переодевались в гражданскую одежду и убегали в «самоход», то совершали серьезные преступления. Иногда избивали людей… Просто так — для потехи, ни за что… Угоняли машины, чтобы немного покататься и бросить. Если не хватало вина, то не церемонясь «брали» его в магазине и, разумеется, бесплатно. Расчет на безнаказанность был гениально прост: нас невозможно было опознать из-за двуликости. В расположении части мы слыли «серыми мышками», зато «на воле» становились дерзкими и самодовольными циниками, причём у нас всегда имелось «железобетонное алиби» — казарма.

Но вот в какой-то момент у меня произошёл серьезный внутренний разлад, душевный конфликт, что-то весьма похожее на «шизофрению». И вновь тому причиной – стихи. Тот тихий паренек из училища – возможно, самая знаменательная встреча в моей судьбе. С помощью поэзии он умудрился открыть мне совершенно иной мир. После чего у меня и началось «раздвоение личности»: два человека стали жить во мне – «хороший» и «плохой». До этого я вообще никак не идентифицировал себя. Просто в этом не было нужды. «Чертёнок» уверенно доминировал, а маленький «Ангелок» только тихонько поскуливал и постанывал. Иногда в чудные вечера или ночи, проведенные за чтением, «маленький хорошист» тоже начинал торжествовать, видя, что сумел разбудить во мне что-то человеческое и достойное уважения… В общем, потерял я привычную целостность, начались во мне разные «интеллигентские» метания и сомнения. Вероятно, это Ангел-Хранитель не найдя более действенного способа, взялся за мое перевоспитание, побуждая читать стихи. Такую двойственную жизнь я считал мучительной и неправильной, но ничего не мог с собой поделать…

Внешне выгляжу солидно,
Но в душе мечусь и маюсь…
Признаюсь вам, хоть и стыдно:
В жизни я — двуликий Янус!
Во все тяжкие пускаясь,

Совесть прячу в долгий ящик,
Сам себя порой пугаюсь:
То пророк я, то – обманщик!
Разом – грешник и святоша,
Миротворец и задира,
Иногда бомжа ничтожней,
Но порой – владыка Мира!
А когда в сердца прохожих
Купидон вонзает стрелы,
Я тотчас врастаю в кожу
И Ромео, и Отелло…
То спасаю, то караю,
То я счастлив, то мне плохо…
Чью же роль для вас играю:
Трагика иль скомороха?..

Когда мне определяли последние по счету, двадцать пятые сутки гауптвахты, командир части сказал: «Дальше по закону только дисциплинарный батальон: ты и Устав – не совместимы…» Да я уже и сам всё прекрасно понимал… Вскоре по одному из эпизодов наших разбойных нападений было заведено очередное уголовное дело, и это вынудило меня срочно написать рапорт об отправке в Афганистан…

Человеческая память сильнее времени… Жизнь не раз пыталась меня «поджарить», поэтому и «корочка» получилась — будь здоров! Толще, чем у других. Молоденьким пацаном я попал на страшную чужую войну и был вынужден стрелять, потому что в меня самого стреляли… Да, хлебнул я там лиха, натерпелся страха и побывал во многих переделках, но за широкой спиной ни у кого не прятался. Только и в этом пекле не молился, а «глушил» технический спирт и душманскую водку — арак. Я считал, что глупо надеяться на какую-то Высшую справедливость, когда, если верить своим глазам и ушам, её в природе вовсе не существует. А примеров тому я видел массу…

Так однажды, прочёсывая местность, наш молоденький лейтенант по счастливой случайности заметил на тропе «растяжку» и осторожно перешагнул через неё. Но тут в бронежилет взводного, опять же не причинив ему какого-либо вреда, «цокнула» пуля снайпера, что, согласитесь, тоже большая удача. Однако парня при этом сильно качнуло назад, он споткнулся и упал на ту самую мину, которая разорвала его в клочья. А ведь всего через три дня он планировал лететь в свой родной Смоленск для того, чтобы жениться… Вот вы говорите: «На всё Божья воля!» Но коль Господь всевидящ и всесилен, следовательно, сам этого захотел?..

В Афгане я перестал «задумываться» и «пускать сопли». Война научила меня преодолевать препятствия, держать удары и добиваться своего. Ну, а когда чего-то не додали, в чём-то обделили, то… брать самому! По максимуму! И никого ни о чём не нужно просить, тем более — дважды. Даже Бога: ведь он сам прекрасно знает всё то, что ты только ещё собираешься ему сказать. Вот так-то, господа.

Ну, а если незаслуженно обидели, то вернись и заслужи! Помню, при зачистке какого-то кишлака, худой и оборванный афганский подросток с криком: «Аллах Ахбар!», метнул в нас нож и попал в горло моему дружку, который через несколько минут скончался от потери крови. Мы привязали того паршишку к столбу, допросили и… как курёнку, свернули голову набок… На войне, как на войне…

Но был один случай… поступок, который, в последующей мирной жизни, я так и не смог объяснить. Что тогда мной двигало, что «выключило» самый великий из человеческих

инстинктов — инстинкт самосохранения? Не знаю до сих пор. Как-то при отходе нашей разведгруппы, сержант приказал заминировать за собой все тропы. Сапёр доложил: «Готово, командир, я поставил шесть «растяжек»! Но тут выяснилось, что из ущелья не вышел один наш боец… Сейчас бы я так ни за что не поступил, а тогда… помчался за ним не разбирая дороги, нашёл его воющим в какой-то вонючей расщелине, и в кромешной тьме притащил на себе в расположение. Заметьте: на минах не подорвался. Судьба вновь берегла меня для чего-то более важного…

Глава 2. Хорошо сидим!

«Не бойтесь того, что ваша жизнь должна окончиться, бойтесь того, что она так и не начнётся».
Д. Ньюмен

…По пути домой Юрий вспомнил, что давно не виделся с армейским дружком Игорем, по прозвищу Седой. Познакомились они в Афганистане, когда, по воле судеб, оба оказались под Кандагаром. Там, в ходе одной из «операций», у Игорька заклинило автомат и пришлось отстреливаться от атакующих душман сигнальными ракетами. После этого темно-русые пряди и даже ресницы бесшабашного и неунывающего Игорька покрылись серебристым инеем. Сейчас друг служил в МЧС начальником кинологической группы и холостяковал в однокомнатной, оставшейся ему от тетки, квартирке, в трех кварталах от Юркиного элитного дома. Седой был неоднозначной и весьма любопытной личностью, полной достоинства и самоуважения. Когда он чувствовал на себе внимание окружающих, то вел себя излишне церемонно, так держатся порой августейшие особы при общении с простым людом… Однако при всей внешней напыщенности, человек он был неплохой, доброжелательный и готовый помочь товарищу.

Игорек был не один. Сегодня он дискутировал на тесной кухне со своим школьным приятелем Володькой. Юрий хорошо знал лысоватого с упругим «пивным» животиком Владимира, который работал фельдшером на «скорой». Мешковатая рубашка и штаны служили ему чем-то вроде свободной второй шкурки, а рыхлое тело выглядело «начинкой» этой просторной одежды. В отличие от Игоря, Володя был женат и воспитывал трех дочерей. Очень начитанный мужик, но слишком затюканный своей тёщей и сварливой супругой. Видимо, это и сделало его ярым женоненавистником. Несмотря на всю внешнюю непохожесть, двух этих людей объединяла многолетняя мужская дружба.

– Привет, орёлики! – произнес Юрий и пожал протянутые руки. – Вот и я нарисовался – не сотрешь!

– Так и подмывает ответить тебе: «Здравствуй, дятел!», – парировал хозяин дома, – да только воспитание не позволяет. Поэтому присаживайтесь, сударь, к столу и отобедайте с нами… – Не сочтите за труд взять себе чистую кружечку, – кивнул он в сторону настенного шкафчика, – нынче человеческое общение стало непозволительной роскошью… А машину, как обычно, оставишь на ночь под моими окнами. Я пригляжу.

Перед дружками стоял пластиковый баллон с пивом, а тема разговора была заезженной, как мелодия древней шарманки, – «наука о плохих женах», или – «стервология», как любили повторять оба. Юрий присел, однако, как-то неохотно и даже с опаской, словно не доверяя стулу своего веса и сохраняя некоторое напряжение в ногах.

Убежденный борец за мужскую свободу – Игорь, в очередной раз, блистал своей эрудицией:

– К сожалению, я уже достиг того философского возраста, когда согласие женщины больше пугает, чем радует, и по этому поводу хочу сделать несколько официальных заявлений. Считаю, что сочетаться браком нужно за три дня до смерти, и даже тогда наживешься по ноздри! – раскинувшись поудобнее на миниатюрном диванчике, мудрствовал он. – Жена – это огромная дыра в нашем кармане, а «бракованные» мужчины ущербны во всех отношениях: они теряют свою независимость, свободу слова и презумпцию невиновности. Приглядишься к иному, а он… просто бледная тень своей супруги…

Игорь потянулся за сигаретой и не спеша прикурил. В спорах этого «оратора» было не уцепить, любой собеседник быстро запутывался в липкой паутине его речи, поскольку в каждой фразе Игорь оставлял несколько лазеек для хитрого манёвра. И если, ловя на слове, его

возвращали к ранее сказанному, он никогда не соглашался с оппонентом: мол, произнесено было «не это» и «не так»… Мимика и жесты Игоря казались какими-то отвлекающими, порой – вычурными, за ними было чрезвычайно трудно уследить.

– Поверьте мнению специалиста, – продолжал Игорь, – Каждая женщина – это мина замедленного действия! Причём – неизвлекаемая! Уж я-то в этом разбираюсь… Если вовремя не отбежать подальше – рванет и покалечит! – произнес он и принялся подливать всем свежего пива.

– Ясен пень, – поддерживал разговор Володя, поправив очки на переносице. – Женщина даже медовый месяц сделает вам горьким! – щедро делился он собственным опытом. – Вот тогда и начинает казаться, что небосвод запылился и выцвел, солнечный диск покрылся толстым слоем ржавчины, а птички уже не поют, а каркают…

Владимир носил свои «диоптрии» больше для солидности, ведь близорукость имел весьма слабую, можно было в каких-то случаях и обойтись. Обычно его раздражало то, что «все постоянно чего-то от него хотят, пристают и дёргают», однако странным образом нуждался в таком дёрганье и, если оно отсутствовало, начинал «обеспечивать» его сам. С годами он смирился с тем, что быт изменить не в его силах, а всё так и будет существовать в полуподвешенном, несостоявшемся виде…

– …Поэтому любви достойна только мать: она одна умеет ждать! – продекламировал Игорь, но взглянув на Юрия, понял, что сказал бестактность и потупился… – Мать – это единственная Женщина «с большой буквы», – попытался он исправить неловкую ситуацию. – Она способна на любую жертву ради своих детей… Нет ничего святее и бескорыстнее материнской любви!

Слушающий его болтовню Юрий, от последних слов даже поперхнулся:

– Допускаю, что тема материнства для кого-то святая… – с окаменевшим лицом прошипел он. – А что ты скажешь о женщине, которая выбросила своего ребенка на улицу? Например, моя родительница собственноручно обрубила связующую нас нить и предприняла всё, чтобы уничтожить сам смысл слова «мама»!

– Ну, знаешь… – замялся Игорь, – она – исключение из правила, возможно, у неё так сложились обстоятельства? Ведь случается, что и дети предают своих родителей… Но не все же люди моральные уроды…

…Так часто бывало: внезапно будто что-то взорвалось в сознании Юрия и перед глазами вырос образ того места, где он жил в детстве… Сначала появились расплывчатые, смутные ощущения. И лишь затем постепенно родилось всё остальное: картина обрела краски и звуки, прорисовались контуры лиц близких людей и знакомых. В завершение, он ясно почувствовал себя маленьким мальчиком! И тогда возникло особое душевное волнение – эмоция, которая была ему крайне приятна и дорога…

Юрию было три года, когда приёмная мама Ася впервые отвела его в детский сад. Там всё было интересно и необычно. Юру поразило разнообразие игрушек, маленькой мебели и большое количество детей, смотревших на него с нескрываемым интересом: ведь он был новичком. Группа малышей подошла ближе, и посыпались вопросы: «Как тебя зовут? Ты умеешь играть в мяч? Любишь рисовать?» И вдруг совсем неожиданно: «А мама у тебя родная или неродная?» Юрий не знал, что ответить на этот недетский вопрос, потому что не понимал, как это «родная или неродная». У него была мама: одна-единственная, самая замечательная, добрая и нежная, очень дорогая. Но вопрос висел в воздухе и требовал ответа. И он сказал слова, прозвучавшие последними: «Неродная…» И вдруг толпа розовощеких крепышей задвигалась, картавя и шепелявя: «У него неродная мама! Мать неродная!» И тогда, глядя в их насмешливые лица, Юра понял, что предал свою самую любимую и самую лучшую на свете маму. Ещё не осознав, как же это случилось, он ясно почувствовал, что — предал! Нахлынувшие следом

эмоции были настолько остры и необычны, что словно оглушили и ослепили его. Внутри внезапно что-то оборвалось, в глазах потемнело, и он услышал свой душераздирающий крик…

Всё последующее происходило, как будто уже не с ним. Прибежала воспитательница, схватила Юру на руки, что-то ему говорила, пыталась утешить. Он слышал её слова: «Хорошо, хорошо, у тебя родная мама!», — но продолжал биться в истерике. Был нарушен распорядок дня в группе. Успокоить мальчика не могли, поэтому вызвали с работы маму Асю. Когда её мягкие и теплые руки прижали Юру к себе, он попытался рассказать ей о случившемся, но получалось плохо… Тогда она, заглянув в Юркины зарёванные глаза, внятно произнесла: «Я — твоя родная мама. В этом нет никаких сомнений». И он, совсем обессиленный, понял, что она его простила…

– Коль этот разговор не для всех приятен, то предлагаю сменить тему… – извиняющимся тоном произнес Игорь. Было заметно, что он расстроился не меньше Юрия. – Итак… – он сделал небольшую паузу, как бы что-то припоминая или ожидая очередного вдохновения, и продолжил. – Следуя по жизни, нам невозможно обойтись без друзей, а лучшие друзья всё-таки – собаки, – улыбнулся профессиональный кинолог, – Именно у них человек должен учиться верности и терпению, бескорыстию и самопожертвованию…

– Эдуард Асадов посвятил этой теме одно из лучших своих стихотворений – «Балладу о собаке», – вспомнил Юрий.

– Я тоже его знаю! – обрадовался Игорь и продекламировал:

«…Ведь может быть тело дворняги,

А сердце — чистейшей породы!» – как же это по-снайперски точно подмечено.

А вот известно ли вам, судари, что на Украине есть памятник ста пятидесяти пограничным псам, которые «порвали» целый полк фашистов в рукопашном бою? О, это было уникальное сражение в истории всех войн! – Игорь многозначительно посмотрел на своих слушателей. – В июле 1941-го, когда полк фашистов пошёл в атаку на батальон окруженных пограничников, в последнюю рукопашную схватку поднялись все оставшиеся бойцы со служебными собаками. Фашисты поливали овчарок автоматным огнём, но даже смертельно раненые псы норовили впиться фашистам в глотки и только после этого умирали. Противник побежал, однако ему на помощь подоспели танки. Немецкие пехотинцы с воплями, запрыгивали на броню и оттуда расстреливали бесстрашных животных. В этом бою полегли все наши пограничники, а израненные собаки ложились возле своих хозяев, никого к ним не подпуская, и по-настоящему… слезами плакали над погибшими. Отказавшись от пищи и воды, они так и умерли на том поле…

– Очень трогательная история, – протерев стекла своих очков, произнес Владимир, – В детстве у нас с сестрой тоже была собачка. Её не дрессировали, но она всегда провожала и встречала сестрёнку из школы. Однажды осенью на мокрую дорогу упал оборванный высоковольтный провод. Сестрица и её подружки не смогли отреагировать на лай и беспокойство, добродушной собаки. Тогда псина своим корпусом оттеснить детей на обочину, чем и спасла им жизнь, но сама всё-таки наступила на тот злосчастный провод… – Володя вздохнул. – Бедняга не выжила. А я до сих пор не могу понять, каким образом она почуяла опасность? Собачий век короче нашего в семь раз, возможно, поэтому они и чувствуют в семь раз острее. Я имею ввиду не только слух и обоняние… У многих животных присутствует, так называемое, шестое чувство, позволяющее воспринимать тонкий мир… К сожалению, они не умеют говорить… Или это мы столь ограничены, что не способны понять своих питомцев…

– Вся проблема в нашем эгоизме и бездушии, – вновь взял слово Игорь. – Например, по собачьей конуре я обычно сужу о том, можно ли иметь дело с конкретным человеком. Если будка холодная, грязная или развалившаяся, то я к хозяину в дом не захожу. Знаю: в комнатах будет то же самое. А главное – на такого человека ни в чём нельзя положиться… – кино-

лог, казалось, заметно разволновался. – Как специалист, – продолжал он, – я вам заявляю, что собака нужна не для того, чтобы просто лежать на диване. Она обязательно должна «служить», выполняя какую-нибудь полезную работу: быть сторожем, поводырем или помощником на охоте, а не живой игрушкой… А то некоторые заводят себе какую-нибудь «сюси-пуси» – помесь мочалки с крысой… а позабавившись выбрасывают её на улицу… В нашей службе, например, собаки легко справляются с поиском взрывчатых веществ, живых людей и трупов в завалах. Ну, а дальше вопрос техники…

– И что, часто приходится прибегать к помощи таких собак? – поинтересовался Юрий.

– Довольно часто, – многозначительно изрек Игорь. – И разыскиваем, и откапываем, и первую помощь оказываем, а «двухсотых» на опознание отправляем… А тебе-то что переживать? Твою персону опознать будет проще простого – по разным радужкам глаз… – довольно неуклюже пошутил он.

– Типун тебе на язык! – вновь обиделся Юрий.

– Прости, я опять что-то не то ляпнул… – извинился приятель.

– Знаешь, лучше семь раз промолчать, чем один раз ляпнуть… — пробурчал Юра.

– Но вот, что интересно, – как ни в чём ни бывало, продолжил Игорь, – при возникновении кризисной ситуации нет ни одного пострадавшего, который бы не нуждался в психологической поддержке: словах утешения или ободрения… Нередко только одно это спасает человеку жизнь.

– Полностью с вами согласен, коллега, – воодушевленно подтвердил Владимир, – Случаи гибели людей от воздействия запредельных эмоций известны с давних пор. В периоды эпидемий впечатлительные люди умирают уже при первых симптомах, схожих с опасной болезнью. У нас на «скорой» был подобный случай: один раз мужчину случайно заперли в вагоне-холодильнике. Когда утром открыли вагон, то нашли его замерзшим насмерть. Однако в ходе расследования выяснилось, что холодильник не был включен. Попав в него, человек умер при всех симптомах переохлаждения, которые возникли лишь на основе его представлений, связанных с такой гибелью…

Друзья слушали своего авторитетного «дохтура» не перебивая, поскольку понимали, что этот опытный фельдшер знает намного больше, чем любой начинающий врач-всезнайка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.